

А. В. Каргальцев

РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия. akargaltsev@herzen.spb.ru

«СТРАСТИ СВЯТОЙ МАРЦИАНЫ»: ЛИТЕРАТУРНАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА

Статья посвящена структуре, содержанию и особенностям языка малоизвестных среди русскоязычной аудитории «Страстей святой Марцианы». Принято считать, что памятник принадлежит к так называемому «мавретанскому циклу», все произведения которого датируются самым концом IV–V вв. и были составлены кем-то из хорошо образованных христиан той эпохи. «Страсти святой Марцианы» рассказывают о времени Великого гонения Диоклетиана, однако многие детали указывают на более позднее время, а также в тексте есть элементы, взятые из более ранней африканской агиографии.

Ключевые слова: мученики, раннее христианство, Римская империя, Великое гонение.

Alexey Kargaltsev

Herzen State Pedagogical University of Russia, akargaltsev@herzen.spb.ru

The Passion of Saint Marciana: literary and historical peculiarities

The *Passion of Saint Marciana* (BHL 5256) is a hagiographic text that rarely attracts attention of both Russian and foreign researchers. It is a story about a Christian virgin who suffered during the Great Persecution of Diocletian in the arena of the amphitheater of Caesarea Mauretania. It belongs to the so-called “Moorish cycle” (*Passio sanctae Salsae* (BHL 7467), *Passio sancti Fabii* (BHL 2818), *Passio sancti Typasii* (BHL 8354), *Passio sancti Victoris* (BHL 8565)), which includes a whole group of works compiled or edited in the 5th century. Low rate of research interest is obviously caused by the lack of historical evidence about the Great Persecution in the text. However, it contains a lot of details peculiar for the subsequent centuries. At the center of the story is the fate of the Christian virgin Marciana, known for her piety and chastity, who breaks the statue of the maiden goddess Diana and for this act suffers. On the one hand, there is an obvious contrast between pagan and Christian cults. On the other, main motifs present in the texts of the time of the Great Persecution are absent here. The edicts of Diocletian are not mentioned and no demand to renounce the faith or to make pagan sacrifices is given. The destruction of a pagan statue seems to be a motif typical for the mid-4th century, when radical Donatists, with whom the Church actively fought, terrorized the cities of North Africa, destroying everything that seemed godless to them. It is the image and action of Marciana, and not her martyrdom that are in

the focus of the author's attention. Praise for virginity receives special development in the Christian literature of Roman Africa due to particularly literalist ideas about the connection between human actions and subsequent salvation. Local Jews play a significant role in the persecution of the girl. It can be assumed that Christian anti-Semitism of the 4th century explains the ambiguity of the relationship between the church and the state of this time. At this period Christianity was legal and even the dominant religious tradition in the Empire, and still, pagan traditions were kept. In such a situation, it was no longer possible to oppose the state paganism and the policy of persecution as it had been in recent times, so the blame fell on the Jews.

Keywords: martyrs, early Christianity, Roman Empire, Great Persecution.

«Страсти святой Марцианы» (далее — «Страсти») (BHL 5256) практически не известны отечественному читателю. В настоящее время нет ни одной русскоязычной работы, которая была бы специально посвящена данному памятнику. Долгое время «Страсти» находились в тени других сочинений так называемого «мавретанского цикла» — группы агиографических памятников, составленных, как принято считать, на рубеже IV–V вв. кем-то из римских интеллектуалов Кесарии Мавретанской (*Passio sanctae Salsae* (BHL 7467), *Passio sancti Fabii* (BHL 2818), *Passio sancti Typasii* (BHL 8354), *Passio sancti Victoris* (BHL 8565) (Fialon 2014: 15). Все герои данного цикла — подлинные и почитаемые африканские святые, пострадавшие в эпоху Диоклетиана. Однако посвященные им «страсти» содержат либо фрагментарные указания на время Великого гонения, как, например, «Страсти Типасия», где упоминаются Максимиан и Диоклетиан (Kargaltsev, Lurie 2012: 75; Mamontov 2019: 118–119), либо привлекаются учеными для реконструкции иных событий конца IV в., будь то восстание Фирма 372–375 гг. (Mamontov 2021: 226–227) или донатистский раскол (Piredda 2002: 38). Историческая ценность «Страстей святой Марцианы» долгое время вызывала сомнения. Как отмечал П. Монсо, «это очень неоднозначное произведение», где легенды переплетаются с подлинными воспоминаниями о деяниях героини (Монсеау 1903: 156). «Страсти» представляют собой, возможно, наименее аутентичное произведение из цикла, и содержит все сюжеты, нехарактерные для рубежа III–IV вв. (почитание девства, популяризация монашества, разрушение языческих статуй как намек на донатистов, критика гладиаторских боев), которая в других «мавретанских» агиографических памятниках менее концентрирована. Можно предположить, что автор «Страс-

тей» действительно испытывал затруднение с поиском информации о мученичестве исторической Марцианы и счел возможным изложить проблематику, характерную для его времени. Этим и объясняется возросший в последние десятилетия интерес к «Страстям», выразившийся в подготовке двух критических изданий текста с обширным филологическим комментарием (Giuliani 2006; Fialon 2014). Значительно расширившийся исследовательский инструментарий, действительно, позволяет по-новому взглянуть на отвергнутые ранее неаутентичные тексты. Однако работа по исследованию «Страстей» может быть продолжена, поскольку многие исторические детали не нашли объяснения в комментариях. Сохранились также «Акты Марцианы» (BHL 5257), изданные баландистами (AASS, I, 569), которые, на наш взгляд, вторичны по отношению к «Страстям» и представляют собой их сокращенную версию, и где усилены особенно патетические сюжетные линии (Shaw 2011: 265).

Тот факт, что существовала подлинная Марциана, которая пострадала при Диоклетиане, подтверждается устойчивой традицией ее почитания 9 января и 11 или 12 июля, отраженной в Мартирологе Иеронима¹ и других сборниках². При этом сам текст «Страстей» не содержит никаких временных указаний и открывается характерным для поздней агиографической литературы риторическим рассуждением о неиспорченном «искусством красноречия» (*eloquii arte*) «деревенском» стиле повествования (*rusticus sermo*), к которому автор прибегает, дабы изложить текст языком, понятным соотечественникам (*municipes*) (Pass. Marcian., I, 1–2)³. Данное замечание вызвало известное затруднение у исследователей. По мнению П. Джулиани, оно указывает на принадлежность составителя «Страстей» к городу Русукурру⁴, где жила Марциана

¹ 9 января память святой почиталась в Кесарии Мавретанской, более поздние даты связаны с культом Марцианы в Испании в связи с обретением ее мощей, см.: Monceaux 1903: 156.

² *Catalogus Codicum Hagiographicorum Latinorum*, III, 485, 504–506. Подробнее см.: Piredda 2002: 27.

³ Для более ранних сочинений, напротив, характерно указание на недостаточность средств красноречия для восхваления деяний христианских героев, ср.: Pont. Vita Cyr., 1.

⁴ Русукурру (*Rusuccurrensis/Rusuccurum*) — бывшая финикийская колония в Мавретании Цезарейской, получившей при Клавдии статус муниципия. Город известен благодаря нескольким епископам, в частности стороннику католического учения Фортунату и донатисту

(Giuliani 2006: 80). На наш взгляд, совершенно не обязательно видеть в словах автора указание на то, что составитель «Страстей» не знаком с языком местного населения. Учитывая описание деяний святой, вполне можно предположить, что она пользовалась особым почитанием среди местных донатистов, в число которых входили и представители коренного берберского населения. О необходимости переводить проповеди слова Священного Писания на пунийский и берберские диалекты пишет Августин (*Aug. Epist.*, 66, 2). К этому необходимо добавить, что рубеж IV–V вв. в целом был беспокойным временем для Цезарейской Мавретании, где, начиная с восстания Фирма (372–375 гг.), происходило значительное изменение этнического состава городского населения, части которого латинский язык был известен недостаточно хорошо.

Далее автор «Страстей» подробно рассказывает о происхождении и внешности героини, в котором, на наш взгляд, можно обнаружить описание, сделанное с какого-то статического изображения. Так, внешность ее соответствовала целомудрию (*Pass. Marcian.*, 2, 3), волосы не развевались, но и не были уложены кольцами, а ровно обрамляли лицо (*Pass. Marcian.*, 2, 4), цвет лица и форма, включая впадины век, были естественными и указывали на отсутствие косметики (*Pass. Marcian.*, 2, 5), взгляд девушки скромно обращен вниз, одежда ее также была скромной и не содержала шелковых нитей и золотых украшений (*Pass. Marcian.*, 2, 12). Очевидно, автор стремился подчеркнуть в первую очередь умеренность своей героини, восходящую к условно стоическому идеалу добродетели (характерному в целом для местной христианской традиции). Схожий риторический прием можно обнаружить в «Житии Киприана Карфагенского». Однако там Понтий дает более универсальное описание внешности епископа, чья одежда и внешность вообще были умеренными (*Pont. Vita Surr.*, 6, 2). В описании внешности Марцелины бросается в глаза статичность: автор подчеркивает позу, положение головы, особенности прически, которые, очевидно, могут меняться в разные моменты времени. Это ставит вопрос об источниках автора «Страстей». Весьма возможно, он опирается на реальное изображение Марцианы, выполненное в виде фрески или мозаики в одном из мест ее почитания, и это мог быть единственный подробный источник, доступный ему, кроме самой общей

информации о героине. Если для времени Диоклетиана изображения христианских мучеников были явлением скорее исключительным, то для рубежа IV–V вв. мы имеем устойчивую традицию таких изображений. Паулин Ноланский рассуждает о воздействии христианских образов на деревенский люд (Krivieri 2016: 205). В одной из своих поэм он рассказывает, что жители деревни с воодушевлением и пользой для себя рассматривают изображения и подписи к ним (Paul. Nolan. Carm., 27).

Последующее упоминание о монашеской жизни Марцианы также сходится с нашими представлениями об эпохе конца IV–начала V вв. Монашество на Западе появляется несколько позже, чем восточных провинциях Империи, в конце IV в., и пользуется большой популярностью. Это не могло не найти отражения в агиографических памятниках. Популяризацией монашества, особенно среди представительниц высшего общества, занимается Иероним (Ananyeva 2009). В «Страстях Типасия» главный герой после увольнения из армии живет в уединении и стоит себе келью (monasterium) (Pas. Typas., 3) (Woods 1993: 81; Mamontov 2019: 119). Марциана также удаляется в уединенное жилище, дабы предаваться постам, молитвам и беседе с Богом (Pass. Marcian., 2, 16).

Еще более показательным является само деяние девушки. Оставив место своего уединения, она направилась в Кесарию, где разбила на куски стоящую на площади статую богини Дианы и была схвачена языческой толпой (Pass. Marcian., 3, 2–5). Отметим, что в эпоху Великого гонения христианам, чтобы пострадать, не было необходимости совершать какое-либо деяние, направленное против языческой религии. Более того, римские власти, как правило, не требовали особого почитания языческих богов. В самом раннем африканском агиографическом памятнике — «Актах мучеников Скилии» — проконсул Сатурнин говорит: «И мы набожны, и религия наша проста, мы клянемся гением господина нашего императора и молимся о его благоденствии, что и вам также следует сделать» (Act. Mart. Scil., 3). Эдикты Диоклетиана также требовали формального присоединения к императорскому культу. Как отмечает А. Д. Пантелеев, даже провозглашение старших тетрархов живыми божествами Иовием и Геркулием на практике никак не повлияло на характер процессов над христианами и на требования, предъявляемые к ним на суде (Panteleev 2022: 23). В Африке ситуация усугублялась тем, что подобные деяния совершали радикальные донатисты. Как отмечает М. А. Ведешкин, подобная картина стала в целом типичной для начала V в., а «жертвами антиязыческих кампаний

монахов становилось не только убранство объектов языческого культа, но и сохранившие приверженность традиционным верованиям жители империи» (Vedeshkin 2019: 369). Участие толпы в задержании и расправе над христианами не было исключительным событием, равно как и беспорядки, устраиваемые возбужденными язычниками. Однако во всех случаях, включая время Диоклетиана, власть находится в руках римских чиновников разного ранга, и именно они, включая стационариев и солдат, осуществляют арест и судебную процедуру. На этом основании А. М. Пиредда высказывает предположение, что описываемые события относятся ко времени после эпохи Константина, когда линчевание толпой религиозных оппонентов становится нормой (Piredda 2002: 38). Аналогичная ситуация представлена в «Страстях Святой Сальсы», описании страстей мучеников Суфетулы (IV–V вв.) и пр.

Героиня предстает перед судом римского начальника (rector) по имени Бударий (Budarus — Fialon 2014; Budarius — Giuliani 2006). Тот факт, что не приводится должность этого начальника, а также его прямая речь (в тексте содержится лишь полемический ответ героини на обвинения в осквернении статуи богини), ясно указывает, что автор «Страстей» не располагал каким либо ранним источником, восходящим к жизнеописанию подлинной Марцианы. Издатели текста никак не поясняют и имя начальника, и действительно римская просопография не знает ни одного Будария. Тем не менее, исследовавший этот сюжет Д. Курбера отмечает, что корень *bud* содержится в названии местной осоки (*Typha augustifolia* L.) (Curbera 2015: 30). Августин упоминает сделанную из нее грубую одежду (*buda vestitus*), в которую облачили перешедшего в католическую веру пресвитера Реститута Викторианского (*Restitutus Victorianensis*)⁵ во время его пленения и избиения (Aug. Ep., 105, 3), аналогичную историю он приводит и в описании насилия над безымянным пресвитером в Африке (Aug. Ep., 88, 6). Сохранились эпиграфические свидетельства о циновках, сделанных из этой травы (CGL, V, 212, 39; 586, 39).

В качестве наказания христианская дева приговаривается к заключению в гладиаторской школе. На наш взгляд, этот сюжет не случаен и может содержать дополнительные датирующие

---

⁵ Подробнее о Реституте см.: Mandouze 1982: 972. *Victoriana villa* находилась в Нумидии в тридцати милях от Гиппона (Aug. De civ. Dei, XXII, 8).

признаки. Вероятно, закрытие гладиаторских школ в 399 г. императором Запада Гонорием сопровождалось не только скандалами вроде случая с гибелью монаха Телемаха (Theod., V, 126), но и активной дискуссией в обществе. Для христианских участников этой полемики было важно показать, что кровавые зрелища отвратительны не только сами по себе, но и сопровождаются насилием над христианскими девами. При этом во времена, когда гладиаторские бои действительно имели место, отношение к гладиаторам было вполне нейтральным (как это показано в «Страстях Перпетуи и Фелицитаты», где главная героиня «сама направила в свое горло неуверенную правую руку гладиатора» (Pass. Perp., 21, 9). Но уже в «Актах Марцианы» образ мучителя представлен особенно гротескно: невеста Христова была отдана в тюрьме на растерзание жестокому, развратному чернокожему гладиатору-варвару (Act. Marcian., 3)⁶. В «Страстях» история рассказана более подробно и безобидно: когда героиня оказывается заключенной в школе гладиаторов, один из них с говорящим именем Фламей (Flameus) решает прокрасться к ней ночью и совершить насилие над спящей девушкой (Pass. Marcian., 5, 6). Однако Божьим заступничеством он в темноте не может найти дорогу к комнате девы и все время натывается на стену, будто лишенный разума. Разъяренный судья приказывает гладиаторам надругаться над девой, но они вновь ночью не находят дорогу к месту ее заточения (Pass. Marcian., 5, 16).

Далее автор «Страстей» переходит, вероятно, к самому примечательному сюжету повествования. Находясь в заключении, Марциана слышит оскорбления и насмешки евреев и даже проклинает их, обрекая на наказание божественным огнем (Pass. Marcian., 6, 2). Именно евреи собираются всей общиной, чтобы сопроводить девушку к месту мученичества и наблюдать за ее казнь (Pass. Marcian., 7, 2–3). В «Актах Марцианы» Бударий, осудивший героиню, назван начальником синагоги (Act. Marcian., 2). Наконец, в самом конце «Страстей» иудеи получают воздание, обещанное Марцианой: когда ее дух покинул тело, загорелась синагога, и выгорев полностью, уже не подлежала восстановлению⁷. Завершает повествование сцена мученичества

---

⁶ *Tertia die traditur impudico cuidam, natione barbaro, colore nigro, membris valido, gladiatori crudelissimo, veluti in carcere Christi sponsa nuptura.*

⁷ Если исходить из датировки «Страстей» эпохой императора Гонория, то приходится признать, что было несвоевременным вспоминать,

Марцианы: на арене она сначала подвергается нападению быка, а после леопардов. В выборе животных вновь угадывается аллюзия на казнь на арене Перпетуи, Фелицитаты их товарищей, где «женщинам же вопреки установленному обычаю дьявол приготовил очень свирепую корову» (Pass. Perp., 20, 1), а Сатур подвергся нападению леопарда (Pass. Perp., 21, 1). Этот сюжет «Страстей», очевидно, следует признать подражанием более ранним агиографическим сочинениям.

Подводя итог, можно заключить, что памятник представляет несомненную историческую ценность, однако не для эпохи Великого гонения, но для изучения истории Церкви рубежа IV–V вв. Более того, можно значительно сузить хронологические рамки написания памятника, поместив его создание между 399 г., годом закрытия гладиаторских школ, и 411 г., годом проведения антидонатистского собора в Карфагене, после которого начались открытые гонения на христианских радикалов, в контексте деятельности которых и следует рассматривать деяния Марцианы.

Литература

- Anan'eva, O. A. 2009: [Hieronymus of Stridon and the spread of female monasticism in the West of the Roman Empire]. In: *Staraja i novaja Evropa: gosudarstvo, politika, ideologija* 4, 93–99.
- Ананьева, О. А. 2009: Иероним Стридонский и распространение женского монашества на Западе Римской Империи. В сб.: *Старая и новая Европа: государство, политика, идеология* 4, 93–99.
- Curbera, J. 2015: The Jews in North Africa. Five Notes. *Arctos* 49, 25–32.
- Fialon, S. 2014: La Passio sanctae Marcianae (BHL 5256): editio princeps. In: *Sacris Erudiri: Journal of Late Antique and Medieval Christianity* 53, 5–67.
- Kargaltsev, A. V. Lurie, Z. A. 2012: [The Great Persecution of Diocletian and the Christian Martyrs of North Africa]. *Novyj Germes* 5, 65–78.

что римское государство выступало главным гонителем христиан. Перенос вины за гонения на иудеев мы видим уже в проповедях Амвросия Медиоланского. То, что в отдельных случаях евреи действительно были активными участниками гонений на христиан свидетельствуют агиографические памятники из Смирны. В этом городе действительно была большая иудейская община. В Африке также обнаружены свидетельства пребывания евреев. Фиксировались и отдельные случаи распространения иудаизма среди берберов.

- Каргальцев, А. В. Лурье, З. А. 2012: Великое гонение Диокле-тиана и христианские мученики Северной Африки. В сб.: *Новый Гермес* 5, 65–78.
- Karivieri, A. 2016: Divine or Human Images? Neoplatonic and Christian Views on Works of Art and Aesthetics. In: *Numen* 2016, 196–209.
- Laporte, J.-P. 1995: Delys. In: *Encyclopédie berbère*, vol. 15, 2255–2261.
- Mamontov, A. L. 2019: [Martyrdom in North Africa in the 4–5th centuries: self-identification and controversy]. *Vestnik PSTGU* 83, 107–123.
- Мамонтов, А. Л. 2019: Мученичество в Северной Африке IV–V вв.: самоидентификация и полемика. В сб.: *Вестник ПСТГУ* 83, 107–123.
- Mamontov, A. L. 2021: [The Donatists and the African uprisings of the second half of the 4th century.]. In: *Religiya. Tserkov'. Obshchestvo. Issledovaniya i publikatsii po teologii i religii* 10, 222–237.
- Мамонтов, А. Л. 2021: Донатисты и африканские восстания второй половины IV в. В сб.: *Религия. Церковь. Общество: Исследования и публикации по теологии и религии* 10, 222–237.
- Mandouze, A. 1982: *Prosopographie chrétienne du Bas-Empire. T. I: Prosopographie de l'Afrique chrétienne (303–533)*. Paris: Éditions du centre national de la recherche scientifique.
- Monceaux, P. 1903: *Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne depuis les origines jusqu'à l'invasion arabe*. Т. 3. Paris.
- Pantelev, A. D. 2022: [«I Do Not Recognize the Empire of This World»: Martyrs and the Roman Empire]. In: *Gosudarstvo, Religii, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom* 40/1, 12–37.
- Пантелеев, А. Д. 2022: «Я не признаю власти века сего»: мученики и Римская империя. В сб.: *Государство, Религия, Церковь в России и за Рубежом* 40/1, 12–37.
- Piredda, A. M. (ed.) 2002: *Passio Sanctae Salsae: testo critico con introduzione e traduzione italiana*. Sassari.
- Shaw, B. D. 2011: *Sacred Violence: African Christians and Sectarian Hatred in the Age of Augustine*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Vedeshkin M. A. 2019: [“Men in Black”: Early Christian Monks in the Mirror of Pagan Criticism]. In: *Vestnik drevnej istorii* 79/2, 358–378.
- Ведешкин М. А. 2019: «Люди в черном»: христианские монахи в зеркале языческой критики. В сб.: *Вестник древней истории* 79/2, 358–378.
- Woods, D. 1993: A Historical Source of the Passio Typasii. In: *Vigiliae Christianae* 47/1, 78–84.